

Научная статья
УДК 371.04-055.2 (571.62-571.642)
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/13-26>

Роль семейного воспитания в формировании духовно-нравственных ценностей в семье коренных народов Нижнего Амура и Сахалина: традиция и современность

Елена Викторовна ФАДЕЕВА

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, ev_fadeeva@mail.ru

Аннотация. В статье путём сравнительно-исторического и типологического методов рассмотрена роль семейного воспитания в формировании духовно-нравственных ценностей молодёжи коренных малочисленных народов Нижнего Амура и Сахалина; как этот процесс происходил в традиционной семье, его изменения под влиянием общественных трансформаций, и что мы имеем на сегодняшний день. Представленный материал позволил сделать следующие выводы: в советский период, в силу ряда объективных и субъективных причин, механизм передачи духовно-нравственных ценностей был практически утрачен. В настоящее время их трансмиссию в большей степени выполняют детсады и школа, нежели семья.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, межпоколенная трансмиссия, этнокультурные традиции, коренные народы, духовный мир, материальный мир

Для цитирования: Фадеева Е.В. Роль семейного воспитания в формировании духовно-нравственных ценностей в семье коренных народов Нижнего Амура и Сахалина: традиция и современность // Известия Восточного института. 2022. № 4. С. 13–26. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/13-26>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/13-26>

The role of family education in the formation of spiritual and moral values in the family of the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin: tradition and modernity

Elena V. FADEEVA

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Vladivostok, Russia, ev_fadeeva@mail.ru

Abstract. In the article, using comparative historical and typological methods, the role of family education in the formation of spiritual and moral values of the youth of the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin will be considered; how this process took place in a traditional family, its changes under the influence of various social transformations, and how this process is proceeding today. The presented material allows us to draw the following conclusions: in the Soviet period, due to a number of objective and subjective reasons, the mechanism for transmitting spiritual and moral values was practically lost. Only at the end of the 20th century, with the growth of national self-consciousness among indigenous ethnic groups, the question of the revival of traditional cultures began to be raised, but at present the task of transferring spiritual and moral values through interaction between generations, to a greater extent, is performed by kindergartens, schools and other public organizations.

Keywords: spiritual and moral values, intergenerational transmission, ethnocultural traditions, indigenous peoples, spiritual world, material world

For citation: Fadeeva E.V. The role of family education in the formation of spiritual and moral values in the family of the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin: tradition and modernity // Oriental Institute Journal. 2022. № 4. P. 13–26. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/13-26>

Непрерывность процесса передачи духовно-нравственных ценностей и традиций из поколения в поколение является залогом непрерывности культур и обеспечивает преемственность, благодаря которой и происходит движение общества вперёд через обогащение накопленного предыдущими поколениями опыта. Духовно-нравственные ценности и их межпоколенная трансмиссия являются одним из основных элементов культуры. В процессе передачи традиций, культурных ценностей от поколения к поколению осуществляется культурная трансмиссия – процесс передачи соответствующих данной культуре знаний, умений, навыков, традиций, обычаев и ценностей от одного индивида к другому, от одной культуры к другой, от предшествующих поколений к последующим через на-

учение. В структуре духовно-нравственных ценностей важное место занимают мораль и нравственные нормы. Мораль – исторически сложившаяся система норм и правил поведения, совокупность устоявшихся оценок, в которой находят своё выражение общепринятые ценности и смыслы, способы различения добра и зла. Нравственные нормы – неписанные законы, существующие как невидимая сеть в общественных отношениях. Мерой воздаяния за соблюдение или нарушение нравственных норм выступает одобрение или осуждение. Главная функция морали заключается в регуляции поведения человека посредством оценки, базирующейся на способности различать добро и зло. Именно поэтому проблема различения добра и зла является ключевым вопросом нравственности. Трансмиссия всегда предполагает наличие двух субъектов: того, кто передаёт, и того, кто получает. Именно их взаимодействие в разных ситуациях – исторических, культурных, географических – и будет определять то, что передаётся в неизменном виде или с изменениями, что будет принято, что трансформировано, а от чего, возможно, придётся отказаться.

Начало третьего тысячелетия предъявляет к человечеству особые требования, одно из которых – демократизация и гуманизация бытия людей. Современное Российское общество переживает духовно-нравственный кризис, следствием которого является то, что совокупность ценностных установок, присущих сознанию (в том числе молодёжному), во многом деструктивна и разрушительна с точки зрения развития личности, семьи и государства. В обществе исчезли представления о высших ценностях и идеалах, оно стало ареной необузданного эгоизма и нравственного хаоса. Духовно-нравственный кризис порождает кризисные явления в политике, экономике, социальной сфере нашей страны. Недостаток нравственного воспитания подрастающего поколения составляет одно из величайших зол нашего времени, с которым необходимо бороться, иначе человечество дойдёт до окончательной гибели и нравственного разложения. Народная пословица говорит: "К чему в юности привык, то в старости сделал". Сама жизнь подчёркивает её правильность: если человек ещё в дни своей юности вступил на путь добродетели, то он твёрдо будет стоять на нём и в старости... [21, с. 5].

В этом аспекте для каждого народа нашей планеты – и в первую очередь для малых этносов – важно сохранение своего исторического лица, той уникальности, которой он и ценен для мирового сообщества. Бездумная урбанизация, всё более мощный натиск цивилизации уже не один малый народ поставили на грань этнической катастрофы. Предвестники такой катастрофы – постепенная утрата малыми народами своих корней. Прежде всего, это утрата родного языка – транслятора богатейшей информации о жизни этноса, забвение многовековых традиций и потери связи с матушкой-природой. В результате народ утрачивает понимание своей миссии – своего социально-исторического предназначения [21, с. 5].

Цель представленной статьи – трансляция опыта в сфере духовно-нравственного воспитания ребенка на основе традиционных ценностей в семье коренных народов Нижнего Амура и Сахалина (нанайцев, ульчей, удэгейцев, нивхов, орочей, негидальцев, тазов, эвенков, ороков (уйльта)); проследить её трансформацию в советский период, дать оценку того, как на сегодняшний день обстоят дела в этом вопросе.

Поставленная цель предполагает постановку следующих задач: показать приёмы формирования и передачи духовно-нравственных ценностей в традиционной семье; проанализировать причины изменения роли семьи в культурной трансмиссии в советский период; обрисовать современные способы и формы возрождения народных традиций.

Объектом исследования выступает семья коренных народов Нижнего Амура и Сахалина. Предметом исследования является роль семейного воспитания в формировании духовно-нравственных ценностей в семье указанных этносов.

В качестве методологической основы выступают теоретические исследования отечественных этнологов-антропологов, посвящённые изучению семейного воспитания коренных народов Сибири и Севера: Л.Я. Штернберга, П.П. Шимкевича,

Г.М. Василевич, А.В. Смоляк, В.И. Прокопенко, В.В. Подмаскина, Г.А. Отаиной и др. При изучении семьи мы придерживались системного подхода, в связи с чем семья рассматривалась как социальная система с присущими ей функциями производства человека, воспроизводства этносов в моно- и полиэтнических средах, а также функцией социализации будущих поколений. В статье использованы сравнительно-исторический и типологический методы. В частности, применение сравнительно-исторического (компаративного) и типологического методов позволило разграничить напластования различных традиций, определить характер их образования и степень эволюции роли семейного воспитания в формировании духовно-нравственных ценностей молодёжи коренных малочисленных народов Нижнего Амура и Сахалина.

Определённые общественные ценности, обычаи, ритуалы, нормы поведения усваиваются детьми посредством воспитания и становятся элементами национальной культуры, частью традиции [8, с. 93]. Семья, как одна из основных "ячеек общества", обеспечивает своим членам экономическую, социальную и физическую безопасность: заботу о малолетних, престарелых и больных, условия для социализации детей и молодёжи; выступает фундаментальным посредником между человеком, государством и другими социальными институтами. Полноценное выполнение семьёй её функций является необходимым условием сохранения исторической преемственности поколений, развития личности и общества в целом, общественной стабильности и прогресса. В ходе социальных перемен семья становится одним из основных институтов формирования новых ценностей и норм поведения [7, с. 126].

В процессе воспитания и обучения взрослые стремились развивать в детях лучшие качества, свойственные человеку: высокую духовность, доброту, отзывчивость, трудолюбие, уважение к старшим, милосердие, бережное отношение к природе, терпение, сострадание, мужество. Реализовывалось это через приобщение к народной культуре и её истории, используя фольклор, декоративно-прикладное искусство, музыку, ознакомление с бытом, обрядами и традициями своего народа.

Традиционный опыт воспитания молодого поколения коренных народов Нижнего Амура и Сахалина был связан с неписаным законом приспособления к окружающей среде, с хозяйственной деятельностью. Главной задачей родового воспитания была передача следующему поколению родовых законов и обычаев, правил общежития. Основой воспитания был коллективный труд, согласно которому каждый член семьи и рода был обязан принимать посильное участие в производственной деятельности в зависимости от пола и возраста [20, с. 179]. С 3–4 лет дети начинали помогать родителям. С 6–7 лет ребята ходили за водой, вносили в жилище дрова. К охоте приучали постепенно. 6–7-летним мальчикам делали маленький лук и стрелы для охоты на бурундуков и белок. Мальчиков постарше отцы и братья брали с собой на охоту и рыбалку. 8-летние мальчики и девочки могли грести. Девочки в этом возрасте помогали матери по хозяйству, носили воду в маленьких ведёрках, присматривали за младшими детьми, учились шить и вышивать [26, с. 121]. Мальчики с 10–11 лет начинали помогать матери на охоте таскать мясо в стойбище, а во время самой охоты они стояли в стороне и наблюдали за действиями взрослых. В десятилетнем возрасте мальчики умели освежевать убитого зверя, нащипать лучины или настрогать стружек для костра, смастерить и поставить петли на зайца, найти отпущенных на пастьбу оленей – и при этом не заблудиться [9, с. 173; 29, с. 141]. С 11–12 лет они получали ружьё для охоты на пушного зверя, а также уже умели бить острой рыбой. С 17–18 лет начинали охотиться на крупного мясного зверя, осваивали установку петель. Когда мальчик убивал своего первого оленя (эвенки, ороки, негидальцы) или другого крупного зверя (нанайцы, удэгейцы, ульчи, нивхи), это означало, что он стал мастером своего дела и мог быть допущен в мир взрослых [29, с. 142; 9, с. 174]. Девочек с 13–14 лет тоже начинали брать на охоту, чтобы она училась у матери зажигать костёр, готовить пищу, кормить собак. Несколько позднее, родители оставляли её одну хозяйничать, а сами уходили на промысел. Дочерям матери и старшие родственницы

прививали навыки ведения домашнего хозяйства, традиционные эстетические представления, передавали по наследству секреты народной медицины, приёмы охранительной магии, различные амулеты и обереги. С малых лет они помогали матери, таская воду, нося дрова, чистя рыбу, выдывая кожу и приучаясь владеть иглой, но выдывать шкуры мать давала только подросткам, имевшим силу в руках [3, с. 158–159; 29, с. 142; 9, с. 174].

Национальные трудовые традиции и навыки передавались естественно, в процессе каждодневного взаимодействия. Родители во время мелкой работы рассказывали им сказки, задавали загадки, сообщали о жизни разных зверей, о тайге, охоте и других сторонах традиционного образа жизни. При этом в детях исподволь, собственным примером родители воспитывали трудолюбие, самостоятельность, выдержку, умение преодолевать трудности [20, с. 179; 29, с. 142; 9, с. 174].

Немаловажную роль в этом процессе играли игрушки и национальные игры. Именно в игровой деятельности заложен огромный воспитательный потенциал: дети учатся коллективной взаимодействию, оказанию поддержки и помощи, у них формируется дух эмпатии и сопереживания [13, с. 10]. Например, эвенки из дерева вырубали маленьких оленей без рогов, из бересты вырезали оленей в движении или только оленьи головы. По размерам и общему облику дети различали быков-порозов, бычков, важенков и телят. Чаще всего дети дошкольного возраста играли в подражательные игры. Зимой они играли в чуме, летом – около него или в игрушечном чуме. Дети школьного возраста, уже принимавшие некоторое участие в хозяйственной жизни, играли преимущественно в подвижные игры – в жмурки, пятнашки, "жарко – холодно", т.е., в игру по поискам того или иного предмета, и т.п. Среди подростков и взрослых (до брака) были распространены игры в ямки и мяч, в перетягивание, борьба [9, с. 174, 177, 178, 179]. С помощью деревянных или берестяных игрушек мальчики выполняли мужские трудовые действия, а девочки – женские работы. Таким образом, постепенно происходило разделение труда между полами и распределение обязанностей между членами семьи [5, с. 32–33]. Например, дети видели, что мужчина не только ничего не делал для облегчения домашней работы женщины, но, согласно сложившемуся разделению труда между полами и соответствующей общественной морали, мог потерять свой авторитет в глазах сородичей и соседей, если бы начал выполнять работу, предназначенную для женщин. Таким образом, посредством традиционного воспитания, мальчику внушалось, что он – будущий охотник и рыбак, кормилец, продолжатель семьи, рода; а девочка – невеста, жена, хозяйка очага. Рациональным зерном народной педагогики было воспитание у ребёнка сознания того, что он неотделим от других в семье и роде, что его труд ценен и необходим так же, как и труд старших [20, с. 200].

Формирование юноши и девушки проходило не только путём трудового воспитания, физического развития, но и путём духовного совершенствования. Через предания, мифы и сказки дети получали информацию о правилах этикета, религиозных табу и бытовых запретах своего народа. Особенно это касалось женщин. Так, нивхский фольклор содержит сюжеты о наказании женщины за непочтительное отношение к медвежьей кости, которую она не положила, а бросила, после чего сильно заболела. В другом сюжете женщина расплачивается жизнью за то, что, отправившись собирать ягоды и корнеплоды, походя давила лягушек, которые её впоследствии и съели [17, с. 111]. С помощью фольклора одни качества человеческой природы высмеивались, а другие – возвышались. В родовой общине были неприемлемы такие черты характера, как лживость и болтливость. Подобные пороки всегда наказывались, а персонажи, обладающие ими, считались носителями зла. В этом отношении характерны распространенные у нивхов в прошлом сказки о живущих на луне женщинах "Ралькр Умгу", которые обманом отбирали детей у матери, чтобы вызвать ненависть к жене со стороны мужа. Эти персонажи противопоставлялись верным жёнам, которым были чужды такие понятия, как обман и зависть. В конце концов, добро побеждало зло: муж находил свою семью, а "Ралькр Умгу" – свою смерть [18, с. 133]. У удэгейцев есть предание об обманщице-ша-

манке, с помощью злых духов попавшей к небесному хозяину и пытавшейся настроить его против простых людей, якобы укравших у хозяина жир зверей. Однако небесный хозяин раскрыл её обман и превратил шаманку в лягушку [19, с. 125].

У нанайцев примером сплетницы выступала Амфуди-амучи, из-за несдержанности в словах которой происходили размолвки и ссоры между людьми [35, с. 96–97]. В обыденной жизни также не приветствовалась излишняя словоохотливость, а об интимных отношениях друг друга старались вообще не распространяться. В связи с этим если кто-нибудь видел, что другой человек украл или убил кого-нибудь, то мог тихо рассказать об этом отцу, но не матери, поскольку она передаст это другим женщинам [28, с. 124]. Посредством пословиц осуждались и такие качества женского характера, как ветренность, которую сравнивали с вихрем и ветром; и непостоянство, считая, что его можно перевернуть одной затяжкой трубки; мужчины сравнивали женщину с разведённым в чистом поле огнём: ветер подует – повалит [36, с. 317].

В родовой общине всегда порицались жадность и равнодушие, а приветствовались щедрость и взаимовыручка, примеры которых молодёжь наглядно видела, находясь в среде взрослых во время охоты или рыбалки. Достаточно вспомнить медвежий праздник, распространённый у всех коренных этносов региона, или эвенкийский обычай нимат, во время которых мясо убитых животных делилось не только между членами семьи или рода, но и между односельчанами и даже представителями других родов. Взаимопомощь проявлялась и в поддержке малоимущих сородичей, вдов, инвалидов, сирот. В семьях эвенков, негидальцев и др. воспитывались не только сироты, но и дети, имевшие живых родителей – либо по причине несостоятельности последних, либо по нужде в рабочей силе. Воспитатели удочеряли приёмного ребенка, хотя это не оформлялось документами; ребенок получал фамилию и родовое имя приёмного отца, от него же он получал защиту и помощь в затруднительных ситуациях. Этот обычай жил вплоть до 1960-х гг. [29, с. 120, 122, 123].

Активную роль мать и все родственницы играли в процессе включения ребенка в семейно-родственную группу через усвоение последним номенклатуры родства, форм и условий заключения брака, стереотипов поведения и т.д., который начинался практически с колыбели [32, с. 98]. В повседневном быту и во время проведения традиционных праздников, старшие родственники знакомили детей с различными правилами и запретами, которые помогали устанавливать добрососедские отношения с окружающим миром. Народные праздники также имели мощный потенциал в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения, а именно в формировании таких качеств личности ребёнка, как доброта, человеколюбие, порядочность, ценность семейных отношений [13, с. 10]. Их учили бережно обращаться с природой, никогда не брать от неё больше, чем тебе надо для существования; обучали правилам жертвоприношений различным духам-хозяевам воды, тайги и пр. Так, например, им говорили, что хозяйка или хозяин огня Пуза (ороч.), символизируя собой родовой очаг, связывала отдельные семьи в род; играла роль посредника между людьми и природой, охраняла собравшихся вокруг неё людей, считавших себя её детьми. Однако Пуза обидчив, поэтому вести себя с ним надо очень осторожно, не обижать его и никогда не сердиться на него, если он обжигал лицо или руку; нельзя резать огонь ножом, поливать водой, плевать в него, разбрасывать головешки и т.п. [4, с. 586; 1, с. 41–42].

Пожилые женщины, наряду со старшими мужчинами, являлись основными хранительницами всех видов устного народного творчества. Через свадебные, игровые песни, протяжные плачи, загадки, предания, народные притчи и пр. дети не только познавали народные обычаи и традиции, усваивали нравственные правила, но и знакомились с особенностями родного языка, с логикой и структурой разговорной речи, с теми многочисленными эмоциями, с помощью которых речь становилась более понятной и содержательной [23, с. 30]. В основе традиционного правопорядка лежало беспрекословное подчинение младших старшим; полными правами обладали лишь люди старше 40 лет. Младшие члены семьи всегда под-

чинялись старшим, а старики были под опекой молодых. Младшие не называли старших по имени, не высказывали при них своего мнения, не вмешивались в их разговоры, стеснялись при них разговаривать между собой [9, с. 151].

Постоянно находясь в окружении взрослых, дети воспринимали не только хозяйственные навыки, но и эталоны мужской и женской красоты. Так, согласно родовой морали, мужчина должен был быть сильным, храбрым, трудолюбивым, умным, благородным, ловким и т.д. Женщиной же в полном смысле слова считалась та, которая хорошо готовила, могла тонко напластовать рыбу для ююлы, шила платье и обувь, красиво их орнаментировала, была трудолюбивой и кроткой [36, с. 8]. От девушек также требовалось целомудрие. Среди всех народов была весьма развита сексуальная скромность, мужчины и женщины, находясь вместе, строго соблюдали рамки приличия. Как правило, ни те, ни другие не позволяли себе непристойных движений или появления в обнажённом виде [36, с. 255; 34, с. 28]. Таким образом, детям внушали, что необходимо избавляться от таких качеств, как злопамятство, зависть, гнев, похоть, алчность, упрямство, лживость, скупость, себязлюбие, торопливость, ревность, любопытство и болтливость. Они должны были вырабатывать в себе стыдливость, добронравие, кротость, прощение, смирение, щедрость, терпение, благодарность, милосердие, разумность, справедливость, радушие, приветливость. Тем самым дети понимали, что, только следуя принятым нормам поведения и стремясь достичь идеала, члены общества могут рассчитывать на нормальное существование в социуме.

Отметим, что можно проследить некоторую трансформацию понятия "идеала" у коренных народов. Первоначально в это понятие входили личные качества человека, наиболее приемлемые для родового коллектива. В зависимости от обладания или не обладания ими, субъект объявлялся угодным или негодным социуму. Положительные черты характера составляли личное богатство человека, определяли цельность его натуры в глазах семьи и рода. Отрицательные черты характера обрекали человека на презрение и осуждение со стороны общества, что подвигало людей на своё самосовершенствование. В процессе проникновения в родовую общину товарно-денежных отношений и, как следствие этого, имущественного расслоения родового общества в сер. XIX – нач. XX вв. акценты сместились. Теперь при определении "хорошего" человека, наряду с личными качествами, всё большее значение приобретало его богатство. Богатому соплеменнику прощались многие проступки, за которые раньше его обязательно бы наказали. Вере в возможность достижения совершенства через собственные усилия в немалой степени способствовало христианство, с которым этносы знакомились через контакты со славянами.

Семья – общественный институт, и в прошлом, и в настоящем тесно связанный с обществом. В посёлках, селениях семьи живут в окружении родственников, соседей, представителей различных наций и народностей, и здесь складываются прочные дружеские контакты. Во все времена на семью оказывали большое влияние общественное мнение сельской микросреды, с которым обычно считались. Это влияние прослеживается в поведении молодёжи, сохранении в быту важных этнических традиций, во взаимоотношении членов семьи и т.п. [25, с. 331].

Социально-экономическое развитие народов Нижнего Амура и Сахалина конца XIX – начала XX вв. (распространение в среде коренных малочисленных народов товарно-денежных отношений и возникновение новых отраслей хозяйства) внесло свои коррективы в их семейный уклад. Так, родственный состав нанайцев, ульчей и др. народов стал формально пополняться русскими крёстными в процессе крещения детей, которые вносили свои традиции в политику воспитания детей. Наряду с родовыми именами стали использоваться и христианские; в ряде случаев имена крёстных становились фамилией ребёнка. У удэгейцев в период активных контактов с китайцами, уходя в тайгу, родители оставляли детей на попечение слуг-китайцев (ПМА за 2002 г.), которые на какое-то время становились воспитателями и наставниками младших членов удэгейской семьи. Чужеродец-китаец, поселившийся сначала как работник в семье таза, затем – пайщик по

хозяйству, позднее – господин, своим положением определял взаимоотношения между отдельными членами семьи и общества. Он диктовал условия жизни, мог отнять жену, забрать детей, не только нарушая преемственность поколений, но и навязывая свои традиции, тем самым фактически разрушая семью таза [2, с. 631; 31, с. 253].

Советская действительность оказала большое влияние на всю жизнь коренных народов Нижнего Амура и Сахалина – и материальную, и духовную, – привнесла новые явления и ценности в повседневный быт. С 1930-х гг. началась эпоха коллективизации, приведшая к дальнейшим изменениям традиционного уклада. Женщины стали выполнять мужскую работу: корчевать лес, ловить рыбу, вязать сети. С детских лет дети были оторваны от семьи. В результате в их сознании закрепились не традиционная модель поведения, а стандарты, привнесённые новым укладом общества. Все изменения они принимали как необходимость. Именно на 1930-е гг. приходится слом механизма передачи традиционного общества через семейные ценности [15, с. 7]. Великая Отечественная война ещё более осложнила демографическую ситуацию. Много семей осталось без отцов, старших братьев и сыновей, в результате чего воспитание мальчиков легло на плечи женщин, и передача традиционного опыта по мужской линии была утеряна.

С 1925 г. в туземных селениях коренных этносов появляются школы, начинается ликвидация неграмотности среди взрослого населения. В марте 1957 г. ЦК КПСС и Советское правительство приняли постановление "О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера", после которого в местах расселения народов Сибири и Дальнего Востока за короткий промежуток времени возникли новые посёлки со школами, интернатами, клубами, была создана широкая сеть яслей, детских садов, школ санаторного типа, построены новые медицинские учреждения. В 1970-е гг. на детей этих народов, как и на всех школьников страны, распространился закон о всеобщем обязательном среднем образовании. Дети коренных малочисленных народов, начиная с ясельного возраста, затем в школьных интернатах и в институтах вплоть до окончания ими высшего образования, находились на государственном содержании [25, с. 283]. Как и предвидел Б. Пилсудский, школы действительно стали "сильнейшим средством для скорейшего слияния инородцев с русскими" [11, с. 42]. Этому в значительной степени способствовало то, что принятые на полное государственное обеспечение дети на длительное время отрывались от своих семей. Находясь вдалеке от родителей, они отвыкали от них, а также от родной культуры, забывали родной язык. Обучение в национальных школах до недавнего времени велось исключительно на русском языке, поскольку в ней обучались дети разных народностей, которые овладевали русским языком с раннего детства. За короткий срок каникул дети не успевали постичь сложную жизнь семьи, её заботы, перенять от отца и матери многое из их специфической, трудной жизни. Для родителей отсутствие в доме детей также являлось негативным фактором: они были избавлены не только от забот по содержанию детей (за все платило государство), но и от прав и обязанностей по их воспитанию. Родители брали детей домой только раз в неделю – на воскресенье, хотя при желании могли брать и навещать их значительно чаще. Воспитывали и обслуживали детей русские, нанайские и орокские женщины [27, с. 40]. Вместе с тем в школах детей малых народов Нижнего Амура и Сахалина не учили ремеслу, сельскому хозяйству и, самое главное, не давали знания, "которые позволили бы иметь детям превосходство в тех же работах, которыми заняты родители". В результате национальные школы выпускали молодых людей, плохо подготовленных к трудовой деятельности, особенно к работе в традиционных отраслях [Цит.: 11, с. 42]. Как следствие, рушилась естественная связь между поколениями, дети утрачивали традиционные духовно-нравственные ценности и приобщались к традициям окружающего их населения.

Социальная ориентация у молодёжи народов Севера теперь формируется под влиянием тех же факторов, что и у окружающего многонационального населения, при участии учреждений дошкольного воспитания, школ, средств массовой

информации и т.д. При создании молодой семьи традиционные брачные обычаи теперь не играют доминирующей роли. На первом месте стоят взаимная любовь, связанная с общностью интересов, взглядов, культурных запросов, стремлений. Лишь изредка у людей, занятых в традиционных отраслях хозяйства (в частности, в оленеводстве), и в настоящее время уделяется внимание таким качествам, как владение будущими хозяевами навыками специфического северного домашнего хозяйства.

В связи с интенсивным развитием на Севере промышленности близ старинных поселений коренных жителей (а иногда и в самих селениях) создаются предприятия, на которых работают представители населения центральных районов страны вместе с молодёжью народов Севера. Это способствует росту числа этнически смешанных браков у представителей коренного населения, культурному взаимовлиянию и другим процессам этнокультурной интеграции.

Изменения, происходящие в хозяйстве и материальной культуре народов в последнее время, не могли не отразиться на духовной жизни этнических групп, на взаимоотношениях членов семьи. Уходят из жизни последние остатки традиционных элементов духовной культуры. Переход к рыночным отношениям вызвал существенные изменения в жизни коренных этносов. Основная масса, например, КМНС Сахалина, оставившая свои традиционные занятия, в настоящее время или вообще не имеет какой-либо оплачиваемой работы, или занята самым низкооплачиваемым малоквалифицированным трудом (разнорабочие, грузчики, уборщицы, сторожа, истопники). Вместе с тем они неохотно идут в новые для них отрасли (нефтяную, лесную, энергетику, транспорт, сельское хозяйство). [10, с. 23, 25]. Таким образом, если родители сами теряют связь с традиционным укладом жизни, то и детей они к нему приобщить не могут. Например, одной из причин того, что девушкам перестали нравиться парни из народов Севера, служит нежелание последних заниматься хоть чем-нибудь [33, с. 16]; подобный инфантилизм в традиционном родовом обществе было совершенно неприемлем.

В настоящее время отчасти изменились и выполняемые в семье функции мужчин, делающих работы, в прошлом считающиеся чисто женскими, в частности, заготовка воды, топлива [25, с. 328–329]. Охотничьи обряды в той или иной степени продолжали бытовать по всему Северу вплоть до 1970-х гг. Например, повсеместно сохранялся обычай почитания и кормления огня, при этом многие не знали, кого они благодарят – дух огня, сам огонь или духа охоты. Молодёжь, бросая в огонь жир, кусочки мяса, нередко не подозревала, что совершает религиозный обряд [12, с. 89, 90]. В прошлом нельзя было называть человека, особенно старшего по возрасту, по имени: вместо этого употреблялась традиционная терминология родства. Лишь с течением времени более молодые стали называть стариков по имени-отчеству, к такому обращению они привыкали в школах и других общественных местах. Дети, не знающие родного языка, тем не менее старших родственников называют не по имени, а традиционными терминами "старший брат", "старшая сестра", "тетя" и т.д., а последние нередко называют их по имени, но чаще всего – "маленький" [25, с. 112].

Взаимоотношения между старшими и младшими членами семьи также далеки от традиционного этикета. Отца сегодня чаще всего называют словом "старик", к нему могут обратиться и совсем уже пренебрежительно ("пень старый"), с ним могут вступить в спор, отстаивая свою точку зрения. В решении каких-то житейских вопросов его слово уже не имеет определяющего значения. На ночь ему отводится далеко не самое почетное место в жилище. Однако, что интересно, не совсем уважительное, с точки зрения сына или дочери, отношение к отцу (даже пьяному и не адекватно реагирующему на происходящее) со стороны постороннего человека может стать причиной серьезного конфликта [30, с. 128].

Неуклонный рост смешанных браков, особенно с представителями более крупных этносов, неизменно приводит к утрате не только родного языка, как не имеющего практического значения для современных негидальцев, орочей, уйльта

(ороков), тазов, но и народных традиций в сфере хозяйственной деятельности, семейных взаимоотношений и пр.

Так, одним из показателей нарушения традиционной модели воспитания молодёжи является её неподготовленность к семейной жизни: например, среди негидальцев 50 % женихов и 30 % невест лишь иногда, от случая к случаю занимались ведением домашнего хозяйства. Потому-то у молодых при первом же столкновении с трудностями семейного быта возникают серьёзные конфликты, нередко заканчивающиеся разводом. Статистика показывает, что 20% расторгнутых браков приходится на долю семей со стажем семейной жизни до двух лет. Именно они эпизодически зависимы от родителей, а главное – молодые люди еще не созрели для роли жены и мужа [22, с. 2]. Такая картина в той или иной степени характерна практически для всех коренных этносов Нижнего Амура и Сахалина. И это основная беда современных семей и одна из главных причин разводов, которые, в свою очередь, ведут к увеличению числа неполных семей и внебрачных детей. Подобные явления были совершенно неприемлемы в традиционном социуме.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что современная семья коренных этносов Нижнего Амура и Сахалина при существующей системе образования подрастающего поколения (наличие системы школ-интернатов, частично введенной еще в 1940-е гг.) зачастую не может выполнять своих функций: воспитания, социализации, передачи опыта народной культуры, формирования этнического самосознания молодёжи. Родители отучаются выполнять свой первостепенный долг – заботиться о своих детях. А сами дети отвыкают от родителей, в результате такого воспитания они становятся потребителями, привыкшими жить на всём готовом (ПМА за 2002 г.). В интернате дети теряют связь со своими национальными корнями. Родной язык звучит для них как иностранный. Охотиться, рыбачить, шить одежду, вышивать так, как это делали их предки, они уже не умеют. Запомнив в детстве некоторые элементы своих танцев, песен, к окончанию школы они их уже забывают [16, с. 12; 14, с. 4].

К счастью, начиная с последних десятилетий XX столетия, в условиях демократизации общественной жизни, ярко проявляется стремление к этнической консолидации, борьбе за свои права. Для всех групп удэгейцев, нанайцев, нивхов, эвенков и др., т.е., этносов, наиболее компактно проживающих в местах своего традиционного природопользования, характерен определенный "культурный ренессанс", стремление к восстановлению культурных традиций [37, с. 310].

Многие элементы традиционной духовной культуры, наполняясь новым содержанием, являются органичной частью повседневной жизни КМНС. Национальные парки и этнокультурные центры ("Бикин" и "Удэгейская легенда" в Приморском крае, нанайский "Сикачи-Алян" (Хабаровский край), нивхский "Ноглики" на Сахалине и др.) проводят различные этнокультурные мероприятия и праздники (например, "День тигра" в Приморье). На них мужчины и женщины, а также дети и молодёжь показывают всё своё мастерство и умение; проходит дегустация традиционных блюд.

Практически у всех народов сохраняется народное декоративное искусство – художественная обработка дерева, кости, изготовление художественных изделий из меха, рыбьей кожи, бересты, культовое искусство. Созданы краеведческие музеи, работают детские музыкальная и художественная школы, в учебных программах которых традиционной культуре отводится видное место [37, с. 327].

Сохранили наши коренные малочисленные народы как непременную составляющую своих традиционных праздников многие спортивные состязания, которые всегда в первую очередь были направлены на совершенствование их физической и профессиональной подготовки [21, с. 5]. Игровая деятельность формирует культуру, значимые качества человеческой личности, национальное сознание человека, воспитывает чувство уважения к национальным традициям. Например, нанайцы на праздниках проводят национальное состязание "Хупигори, Андана!", которое включает в себя творческие, интеллектуальные и спортивно-игровые задания. Для этого её участникам рассказывают о быте, культуре, традициях ко-

ренных народов Приамурья. Проводят такие игры, как "Туэри купин" – зимняя игра; "Томян" – прыжки по правилам; "Топтоди" – игра с верёвкой. Два раза в год проводятся спортивные праздники с нанайскими подвижными играми между командами, "День здоровья" с элементами национального спорта и обязательно в национальных костюмах [8, с. 96]. Негидадьцы по праздникам устраивают гонки на собачьих упряжках, соревнуются в стрельбе. Представляет интерес и конкурс "катание на шкурах": в шкуре прорезаются отверстия – пропускается сквозь них ремень, муж садит жену на шкуру, закидывает ремень на плечи и бежит на камусных лыжах (Ф. 1. Фонд А.П. Самара. Оп. 2. Д. 599. Т. 2. ЛЛ. 230, 231). Отраднo, что сегодня участниками подобных мероприятий выступают в основном дети под присмотром взрослых и стариков, тем самым осуществляется возрождение преемственности поколений, утраченной несколькими десятилетиями ранее.

Наиболее крупные этносы предпринимают попытки возрождения родного языка. Так, у нанайцев, нивхов, удэгейцев ведётся преподавание родного языка в начальной школе, в некоторых детских дошкольных учреждениях. В начале 1980-х гг. были выпущены буквари на обоих диалектах нивхского языка. На национальных языках ведутся передачи на студиях телевидения в г. Комсомольске-на-Амуре, местном радиовещании, издаётся детская и художественная литература, выходят ежемесячные газеты, например, на нивхском языке "Нивх диф" ("Нивхское слово") [37, с. 187, 142].

Один из многочисленных народов-аборигенов Приамурья – нанайцы, – стремясь передать свою историю и культуру, внедрили в отдельные группы детского сада и некоторые школы программу "Возрождение национальных традиций", включающую все элементы нанайской культуры. Это и рисунки на стенах, узоры на окнах, одежда на игрушках, с которыми играют дети, узоры на детской мебели, надписи в группах. Обучение родному языку проводится в игровой форме. Математика проходит с использованием нанайского древа – "морзо". Детей учат, что "древо" – суть тайги, рыба – суть жизни воды, птица – суть жизни воздушного пространства, человек – суть человечества. И все это – Природа [6, с. 5]. На мастер-класс по декоративно-прикладному искусству для детей часто приглашают мастеров из жителей села. Им показывают, как сушить, обрабатывать рыбью кожу. В центре творчества регулярно организуют выставки детских работ на национальную тему. Это и Акаоан – плоская кукла из бумаги или рыбьей кожи, и бумажные туеса, и аппликации с простыми орнаментами. Национальная выставка даёт наглядный пример для восприятия элементов нанайской культуры [8, с. 93 – 94]. Также дети усваивают фольклор, рассказываемый в виде тэлунгу, мифов, сказаний, преданий, легенд различного содержания. Особое значение для воспитания детей имеет главный герой эпоса Мэргэн – удачливый охотник или рыбак, который в совершенстве владел луком, копьём, и отличался трудолюбием, умом, удалью [8, с. 95], тем самым им прививаются духовно-нравственные ценности, характерные для традиционного общества.

Однако наиболее показательной в плане возрождения механизма передачи этнических традиций и духовно-нравственных ценностей видится ситуация в оленеводческих бригадах уйльта и эвенков, которые большую часть года проводят в тайге. Летом к ним на 2–3 месяца приезжают семьи. В это время как раз и можно наблюдать многие элементы традиционной культуры, с которыми взрослые знакомят подрастающее поколение: изготовление предметов кочевого быта (сёдла, нарты, вьючные сумы, арканы), обработка шкур и пошив традиционной одежды и обуви, приёмы дрессировки и обучения ездовых оленей, пища и т.п. В эти короткие летние месяцы можно услышать и родной язык, который в посёлках окончательно вышел из употребления [24, с. 198–199]. Кроме этого, местные активисты из Тугуро-Чумиканского района (Хабаровский край) предприняли попытку (и даже воплотили её в жизнь) по созданию школьных оленеводческих бригад, когда дети во время летних каникул под присмотром взрослых мужчин-пастухов занимаются выпасом оленей, тем самым приобщаясь к некогда традиционному укладу жизни

(ПМА за 2012 г.). Остаётся надеется, что подобных примеров будет больше, а область применения традиционных занятий – шире.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что духовно-нравственное воспитание детей в традиционной семье происходило исподволь, каждодневно и ежеминутно, путём наглядного примера, через ознакомление с бытом, обрядами и традициями своего народа, приобщение к народной культуре и её истории, используя устное народное творчество, декоративно-прикладное искусство, музыку.

Однако под влиянием таких общественных коллизий советского времени, как Октябрьская революция, коллективизация, укрупнение традиционных поселений, ВОВ, введение системы школ-интернатов, миграция населения в города и пр., произошли слом и частичная утрата механизма передачи традиционных духовно-нравственных ценностей у коренных народов Нижнего Амура и Сахалина. Современная жизнь, множество новаций в различных сферах хозяйства, бытовой и духовной культуры глубоко трансформировали традиционный семейный уклад и привели к усвоению молодёжью новых, "советских" ценностей.

Конец 1980-х – начало 1990-х гг. характеризуются не только развалом СССР, крахом экономики и социальной сферы, но и ценностной катастрофой, нарушением морально-нравственного порядка, межпоколенческой преемственности духовно-нравственных ценностей, разрывом историко-культурной, нравственной цепи, которая выстраивалась веками предыдущими поколениями. За гибелью одной системы последовал моральный и идеологический вакуум, пустота; отброшенная система ценностей уже не регулировала общество, а новая система не была создана.

Привыкнув жить под "крылом" старшего брата – русского народа в эпоху СССР, после распада последнего, многие представители КМНС, как, впрочем, и большая часть советских людей, буквально оказались на "обочине" жизни. Во время массовой безработицы, голода, отсутствия госгарантий, людям, конечно, было не до сохранения народных традиций. Однако, отойдя от первоначального шока, представители КМНС начинают вспоминать о своём прошлом, стремясь передать остатки воспоминаний о национальных обычаях своим потомкам [21, с. 54].

Важнейшими социальными институтами воспитания и межпоколенческой трансляции являются семья и система образования. Каждый социальный институт обладает своими особыми методами воспитания и передачи социального опыта и духовно-нравственных ценностей. Семья передаёт традиционные ценности; социализация (воспитание) идёт в доверительной атмосфере, эмоционально окрашено (словом и тоном), через совместный труд, в соответствии с "кодексом", выработанным самой семьей, часто в полиэтнической среде, где важную роль играет "генетическая память", "родовой код".

Проводимые в детских садах, школах, национальных сёлах мероприятия, влияют на становление этнического сознания детей, их этническую идентификацию. На основе обращения к истокам традиционной культуры, происходит передача опыта подрастающему поколению через язык, историю, фольклор, декоративно-прикладное искусство. В идеале семья и общество должны дополнять друг друга в этом процессе. К сожалению, результаты проведённого исследования показали, что на сегодняшний день сохранение и передача национальной культуры в большей степени происходит через детский сад, воспитателей, педагогов, которые повышают уровень мотивации изучения родного языка, развития речевой деятельности на родном языке, осознания этнической принадлежности, и менее всего – через родителей [8, с. 96–97]. Остаётся надеяться, что в дальнейшем ситуация кардинально изменится и семья будет выполнять свою первоначальную функцию – воспитания детей и передачи им духовно-нравственных ценностей.

Литература

1. Аврорин В.А., Лебедева Е.П. Ороческие тексты и словарь. Л.: Наука, 1978. 264 с.
2. Арсеньев В.К. Китайцы в уссурийском крае. 1900–1908 гг. Доклад (Читано в заседании Отделения этнографии И.Р.Г.О. 25 февр. 1911 г.) // В.К. Арсеньев. Собр. соч. в 6 т. Владивосток: Альманах "Рубеж",

2012. Т. 3. С. 323–506. Приложение. С. 631–666.

3. Арсеньев В.К. Лесные люди – удэгейцы // Арсеньев В.К. Соч. Владивосток, 1948. Т. 5. С. 139–188
4. Арсеньев В.К. Сквозь тайгу // В.К. Арсеньев. Собр. соч. в 6 т. Владивосток: Альманах "Рубеж", 2011. Т. 2. С. 479–604.
5. Афанасьев В.Ф. Этнопедагогика нерусских народов Сибири и Дальнего Востока. Якутск: Якут. книжное изд-во, 1979. 184 с.
6. Баранова–Дигор Р.Г. Назад – по Реке Памяти, вперед – в Потоке Времени. Хабаровск, Хабаровское книжное издательство "Ковчег", 2010. 224 с.
7. Безлепкина Л.Ф. Изменение роли семьи как социального института в процессе развития // Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен. Мат-лы межд. конф. 1993 г. М.: Наука, 1994. С. 126–132.
8. Белая Е.Г. Формирование основ нанайской культуры детей в условиях детского сада // Альманах "Казачество". М.: Международный издательский центр "ЭТНОСОЦИУМ", 2021. № 51. С. 93–98.
9. Василевич Г.М. 1969. Эвенки: историко-этнографические очерки (XVIII – нач. XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
10. Высоков М.С. Коренное население Сахалина на пороге третьего тысячелетия // Краеведческий бюллетень. Проблемы истории Сахалина, Курил и сопредельных территорий. 1999. № 4. С. 18–47.
11. Высоков М.С. Научное наследие Б. Пилсудского и современное положение коренного населения Сахалина // Б.О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина (Материалы междунар. науч. конф. 31 октября – 2 ноября 1991 г. г. Южно-Сахалинск). Южно-Сахалинск. Сахал-кий обл. краеведч. музей, 1992. С. 36–44.
12. Гурвич И.С. О современном состоянии традиционных религиозных верований малых народов Севера и пути их преодоления // Вопросы преодоления пережитков прошлого и становление новых обычаев и традиций у народов Сибири: Мат-лы научно-практ. конф., сост-ся 22-26 ноября 1966 г. в г. Улан-Удэ / Отв. ред. А.П. Окладников, Д.Д. Лубсанов. Вып. 1. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1968. С. 87–94.
13. Егорова А.С. Духовно-нравственное воспитание детей через традиционные праздники // Духовное и нравственное воспитание детей на основе российских традиционных ценностей: Сборник материалов научно-практической конференции, приуроченной к 800-летию со дня рождения Святого князя Александра Невского. Самара: "КИРИЛЛИЦА", 2020. С. 10–12.
14. Каримова Н. Теряют связь со своими корнями // Амгуньская правда. 1990. 17 февраля. С. 4.
15. Ким А.С., Кныш А.В., Лях П.П., Менделен Н.Г., Прасолова М.П., Смирнов Б.В. Малочисленные этносы Приамурья: Монография / Отв. ред. Б.В. Смирнов. Хабаровск: Изд-во Хаб. гос. техн. ун-та, 1993. 71 с.
16. Михайлов В.И., Чуркин А.А. Коренные народы Дальнего Востока (соц., экон., культ. и этнограф. аспекты). Хабаровск: Изд-во Хаб-го краевого центра психического здоровья, 1999. 37 с.
17. Отаина Г.А. Воспитание экологического сознания у народов Дальнего Востока // Культура Дальнего Востока XIX–XX в.в. Владивосток, 1992. С. 103–112.
18. Отаина Г.А. Фольклор в народной педагогике нивхов // Семья и семейный быт в восточных регионах России. Владивосток, 1997. С. 129–138.
19. Подмаскин В.В. Духовная культура удэгейцев XIX – XX вв. Историко-этнографические очерки. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1991. 160 с.
20. Подмаскин В.В. Народные знания удэгейцев: историко-этнографическое исследование по материалам XIX–XX вв. Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 1998. 227 с.
21. Прокопенко В.И. Этноспорт народов Севера Приамурья и Сахалина: Книга для учителя: учеб. пособие. Хабаровск: Дальневосточный издательский центр "Приамурские ведомости", 2015. 264 с.
22. Прошина Л. Брак – дело серьезное // Амгуньская правда. 1988. 15 сентября. С. 2.
23. Севильгаев Г.Ф. Очерки по истории просвещения малых народов Дальнего Востока. Л.: Просвещение, 1972. 423 с.
24. Семашко И.М. Механизмы воспроизводства этнокультурных традиций в семье // Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен. Мат-лы межд. конф. 1993 г. М.: Наука, 1994. С. 267–277.
25. Смоляк А.В. Народы Севера и Дальнего Востока // Семейный быт народов СССР. М.: Наука, 1990. С. 307–336.
26. Смоляк А.В. Ульчи: Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1966. 290 с.
27. Смоляк А.В. Южные ороки (этнографические заметки) // Советская этнография. 1965. № 1. С. 28–42.
28. Суник О.П. Ульчский язык: исследования и материалы. Л.: Наука, 1985. 264 с.
29. Туголуков В.А. 1969. Следопыты верхом на оленях. М.: Наука, 1969. 216 с.
30. Тураев В.А. Охотские звенки: этнокультурные и социально-демографические процессы в XX веке // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и развития. Вып.4. Иркутск, 2005. С. 103–130.
31. Фадеева Е.В. Брак и семья тазов индия // История и культура тазов: историко-этнографические очерки (вторая половина XIX – начало XXI в.) / Отв. ред. А. Ф. Старцев. Владивосток: Дальнаука, 2019.

С. 248–259.

32. Fadeeva E.V. Механизмы воспроизводства этнокультурных традиций в женской среде у коренных народов Нижнего Амура и Сахалина // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2015. № 4 (35). С. 94–102.
33. Функ Д.А., Зенько А.П., Силанняя Л. Материалы по современной культуре и социально-экономическому положению северной группы уйльта // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 14–30.
34. Ходжер Г.Г. Конец большого дома. Хабаровск: Книжное издательство, 1969. 368 с.
35. Шимкевич П.П. Материалы для изучения шаманства у гольдов // Зап. Приам-го отд. РГО. Хабаровск, 1896. Т. 2. Вып. 1. С. 1–131.
36. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Кн. Изд-во, 1933. 740 с.
37. Энциклопедия коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Серия: Библиотека коренных народов Севера. М.: РИТЦ, 2005. 464 с.

References

1. Avrorin V.A., Lebedeva E.P. Oroch texts and dictionary. L.: Nauka, 1978. 264 p. (In Russ.).
2. Arseniev V.K. The Chinese in the Ussuri region. 1900–1908 Report (Read at a meeting of the Department of Ethnography I.R.G.O. February 25, 1911) // V.K. Arseniev. Col. in 6 volumes. Vladivostok: Almanac "Rubezh", 2012. Vol. 3. P. 323–506. Application. P. 631–666. (In Russ.).
3. Arsenyev V.K. Forest People – udeheytsy // Arsenyev V.K. Col. Vladivostok, 1948. Vol. 5. P. 139–188 (In Russ.).
4. Arseniev V.K. Through the taiga // V.K. Arseniev. Col. in 6 volumes. Vladivostok: Almanac "Frontier", 2011. Vol. 2. P. 479–604. (In Russ.).
5. Afanasyev V.F. Ethnopedagogics non-Russian peoples of Siberia and the Far East. Yakutsk: Yakutia. Book Publishing House, 1979. 184 p. (In Russ.).
6. Baranova–Digor R.G. Back – along the River of Memory, forward - in the Stream of Time. Khabarovsk, Khabarovsk book publishing house "Ark", 2010. 224 p. (In Russ.).
7. Bezlepkina L.F. Changing the role of the family as a social institution in the development process // Woman and freedom: ways of choice in the world of traditions and changes. Materials int. conf. 1993 M.: Nauka, 1994. P. 126–132. (In Russ.).
8. Belaya E.G. Formation of the foundations of the Nanai culture of children in a kindergarten. // Almanac "Cossacks". M.: International Publishing Center "ETNOSOCIUM", 2021. No. 51. P. 93–98. (In Russ.).
9. Vasilevich G.M. Evenki: historical and ethnographic essays (XVIII – nach. XX in.). L.: Nauka, 1969. 304 p. (In Russ.).
10. Vysokov M.S. The indigenous population of Sakhalin on the threshold of the third millennium // Local history bulletin. Problems of the history of Sakhalin, the Kuriles and adjacent territories. 1999. No. 4. P. 18–47. (In Russ.).
11. Vysokov M.S. The scientific heritage of B. Pilsudski and the current situation of the indigenous population of Sakhalin // B.O. Pilsudskiy – researcher of the peoples of Sakhalin (Materials of the international scientific conference. October 31 – November 2, 1991, Yuzhno-Sakhalinsk). Yuzhno-Sakhalinsk. Sakhal Region ethnographer. Museum, 1992. P. 36–44. (In Russ.).
12. Gurvich I.S. On the current state of traditional religious beliefs of the small peoples of the North and ways to overcome them // Questions of overcoming the remnants of the past and the formation of new customs and traditions among the peoples of Siberia: Materials of scientific-practical. conf., compiled on November 22–26, 1966 in Ulan-Ude / Ed. A.P. Okladnikov, D.D. Lubсанov. Issue 1. Ulan-Ude: Buryat book. publishing house, 1968. P. 87–94. (In Russ.).
13. Egorova A. S. Spiritual and moral education of children through traditional holidays. // Spiritual and moral education of children based on Russian traditional values: Collection of materials of a scientific and practical conference dedicated to the 800th anniversary of the birth of the Holy Prince Alexander Nevsky. Samara: "CYRILLIC", 2020. P. 10–12. (In Russ.).
14. Karimova N. They lose touch with their roots // Amgunskaya Pravda. 1990. 17 February. P. 4. (In Russ.).
15. Kim A.S., Knysh A.V., Lyakh P.P., Mendelen N.G., Prasolova M.P., Smirnov B.V. Small ethnic groups of the Amur region: Monograph / Ed. B.V. Smirnov. Khabarovsk: Publishing house of the Hub. state tech. University, 1993. 71 p. (In Russ.).
16. Mikhailov V.I., Churkin A.A. Indigenous peoples of the Far East (social, economic, cultural and ethnographic aspects). Khabarovsk: Publishing house of the Khab-th regional center for mental health, 1999. 37 p. (In Russ.).
17. Otaina G.A. Education of ecological consciousness among the peoples of the Far East // Culture of the Far East of the XIX–XX centuries. Vladivostok, 1992. P. 103–112. (In Russ.).
18. Otaina G.A. Folklore in the folk pedagogy of the Nivkhs // Family and family life in the eastern regions of Russia. Vladivostok, 1997. P. 129–138. (In Russ.).
19. Podmaskin V.V. Spiritual culture of the Udege in the 19th – 20th centuries. Historical and ethnographic essays. Vladivostok: Dalnevost Publishing House. un-ta, 1991. 160 p. (In Russ.).

20. Podmaskin V.V. Traditional knowledge Udeghes: historical and ethnographic research on materials of XIX – XX centuries. Vladivostok: Publishing House of the RAS, 1998. 227 p. (In Russ.).
21. Prokopenko V.I. Ethnosport of the peoples of the North of the Amur Region and Sakhalin: A book for the teacher: textbook. allowance. – Khabarovsk: Far Eastern Publishing Center "Priamurskiye Vedomosti", 2015. 264 p. (In Russ.).
22. Proshina L. Marriage is a serious matter // Amgunskaya Pravda. 1988. 15 September. P. 2. (In Russ.).
23. Sevilgaev G.F. Essays on the history of education of small peoples of the Far East. L.: Education, 1972. 423 p. (In Russ.).
24. Semashko I.M. The mechanisms of reproduction of ethnic and cultural traditions in the family // Woman and freedom: the path of choice in the world of tradition and change. Materials of Int. Conf. 1993. M.: Nauka, 1994. P. 267–277. (In Russ.).
25. Smolyak A.V. Peoples of the North and the Far East // Family life of the peoples of the USSR. Moscow: Nauka, 1990. P. 307–336. (In Russ.).
26. Smolyak A.V. Ulchi: economy, culture and way of life, past and present. Moscow: Nauka, 1966. 290 p. (In Russ.).
27. Smolyak A.V. Southern Oroks (ethnographic notes) // Soviet ethnography. 1965. No. 1. P. 28–42. (In Russ.).
28. Sunik O.P. Ulchi language: research and materials. L.: Nauka, 1985. 264 p. (In Russ.).
29. Tugolukov V.A. 1969. Pathfinders on reindeer. M.: Nauka, 1969, 216 p. (In Russ.).
30. Turaev V.A. Okhotsk Evenki: ethno-cultural and socio-demographic processes in the XX century // Peoples and cultures of Siberia. Interaction as a factor of formation and development. Issue 4. Irkutsk, 2005. P. 103–130. (In Russ.).
31. Fadeeva E.V. Marriage and the Taz family of the Idyindya // History and culture of the Taz: historical and ethnographic essays (second half of the 19th – beginning of the 21st century) / Otv. ed. A.F. Startsev. Vladivostok: Dalnauka, 2019. P. 248–259. (In Russ.).
32. Fadeeva E.V. Mechanisms of reproduction of ethnocultural traditions in the female environment among the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin // Oikumena. Regional studies. 2015. No. 4 (35). P. 94–102. (In Russ.).
33. Funk D.A., Zenko A.P., Silannyaya L. Materials on contemporary culture and socio-economic situation of the northern Uilta group // Ethnographic Review. 2000. No. 3. P. 14–30. (In Russ.).
34. Hodger G.G. End of the big house. Khabarovsk: Book publishing house, 1969. 368 p. (In Russ.).
35. Shimkevich P.P. Materials for the study of shamanism among the Golds // Zap. Priam-th department Russian Geographical Society. Khabarovsk, 1896. T. 2. Issue. 1. P. 1–131. (In Russ.).
36. Sternberg L.Ya. Gilyaks, Orochs, Golds, Negidals, Ainu. Khabarovsk: Book. Publishing House, 1933. 740 p. (In Russ.).
37. Encyclopedia of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation. Series: Library of Indigenous Peoples of the North. M.: RITC, 2005, 464 p. (In Russ.).

Елена Викторовна ФАДЕЕВА, канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: ev_fadeeva@mail.ru

Elena V. FADEEVA, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: ev_fadeeva@mail.ru

Поступила в редакцию

(Received) 22.09.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 15.11.2022

Принята к публикации

(Accepted) 09.12.2022